

Станислав Сергеев – о том, как Викентий Матвеев покорил Великобританию

К МГИМО, главной кузнице дипломатических кадров, отметившему недавно свое 75-летие, «Известия» с их богатой историей имеют непосредственное отношение. Начиная с 1950-х иностранный отдел газеты, один из самых сильных в отечественной печати, комплектовался из выпускников МГИМО. Мэлор Стурау, Станислав Кондрашов, Леонид Камынин, Владимир Осипов, Виталий Кобыш – какие имена! Но по праву возглавляет этот список Викентий Матвеев из первого выпуска мгимовцев (1948 год).

Викентий Александрович Матвеев проработал в «Известиях» более полувека. Был первым собкором газеты в Лондоне (1954–1959), а вернувшись в Москву, уже при Алексее Аджубее, на долгие годы стал политическим обозревателем газеты, журналистом, с чьим мнением считались в высоких

дипломатических кругах. Сегодня есть прямой повод вспомнить несправедливо полузабытое имя. Дочь Матвеева Ольга Ткаченко (кстати, тоже выпускница МГИМО) подготовила к изданию книгу – «В.А. Матвеев. Дневники школьника, студента, журналиста «Известий» (1938–1996 гг.)». Она есть на полках книжных магазинов. Обращенная в прошлое, посвященная конкретной человеческой судьбе, книга тем не менее звучит абсолютно современно, потому что произвольно и ненавязчиво учит жизни. А уж те ее страницы, что посвящены внешней и внутренней жизни Англии, отношениям наших стран, особенно актуальны, так как дают богатую пищу для размышлений и сравнений.

Сам по себе факт удивительный – человек вел дневник с 15 лет

почти шесть десятилетий, притом что в профессии его главным инструментом было слово. Когда находил время писать еще что-то? Но в том-то и дело, что это было не «что-то». Предисловие к книге написал Леонид Млечин, одно время тоже работавший в «Известиях». В своих заметках «Долг и честь. Известинец об известинце» он задает вопрос, почему личные дневники могут быть интересны исторической науке и читающей публике, и сам на него отвечает: «Потому что в них бесценные детали и сама атмосфера ушедшей эпохи, то, что не хранится в архивах и чего не найдешь в документах с грифом «совершенно секретно».

Журналистом он мечтал стать с детства: всё решила страсть к чтению. Путь в журналистику по времени был довольно прямым. Но драматичным. Рано потеряв отца, Викентий школьником помогал матери растить младшую сестру, подрабатывал грузчиком. Но от мечты не отказался. 24 июня 1941-го сдал на отлично выпускной экзамен по литературе, строил большие планы. Война их отодвинула. На фронт не смог пойти из-за испорченного зрения (вот она, страсть к чтению). А дальше эвакуация в Кировскую область, культработа в Печоржелдорлаге, время скитаний и, наконец, Москва.

Год проучившись в технических вузах (МАИ и МИИТ) и увидев объявление об открытии при МГУ факультета международных отношений (предтеча МГИМО), он перекинул туда свои документы и был принят. В 1948 году, оказавшись перед выбором – аспирантура, дипломатическая работа в перспективе или журналистика, – Матвеев остановился на последнем. Перед ним распахнулись двери «Известий» на Пушкинской. Специализацией начинающего журналиста-международника стала Англия. Одна из первых заметных статей («стояк», как он написал в дневнике) – о девальвации фунта стерлинга. И пометка с тихой гордостью: «Впервые коллеги жали руку за опубликованный материал».

Из пятилетней лондонской командировки, которую Матвеев прожил уже семейным человеком, он возвращался в Москву с багажом, удивившим наших таможенников, – набором столярных и плотницких инструментов и огромным количеством книг. Что достаточно

красочно рисует диапазон его интересов. Но, наверное, для Матвеева был гораздо важнее багаж знаний о Великобритании, приобретенный за эти годы – он впоследствии помог ему стать одним из самых компетентных и авторитетных специалистов по этой старейшей стране Европы.

В годы лондонской «пяtilетки» (на них пришелся последний год премьерства Уинстона Черчилля) одним из главных оппонентов Матвеева в политических дискуссиях был редактор влиятельной английской газеты «Обсервер» Дэвид Астор, ярый сторонник своего премьера. Но идеологическое противостояние не помешало чисто человеческим отношениям двух журналистов. Через много десятилетий Астор писал Викентию Матвееву: «Я часто думаю о Вас, о том, как Вам живется... Я всегда ценил доверие и дружбу между нами».

Черчилля Матвеев видел и слушал лишь однажды – на конгрессе Пенклуба в 1955 году – и приводит в дневнике слова из его выступления, которые и сегодня звучат весьма актуально и трезво: «Большой вопрос, захватят ли аудиторию целиком в XXI столетии низкопробные жанры. Надеюсь, что дешевая валюта не поглотит крепкую, хорошую. Обе будут ходить в условиях «мирного соревнования»... Соревноваться за лучшие духовные ценности – вот лучшее поприще».

В 1956 году Матвееву довелось освещать в «Известиях» визит в Лондон советской правительственной делегации во главе с Н.С. Хрущевым и Н.А. Булганиным. Это был первый послевоенный прорыв на Запад нашего высшего руководства. Дальнейшую журналистскую жизнь Матвеева заполнили сотни визитов, репортажей, интервью с политиками, общественными деятелями, бизнесменами, представителями науки и культуры. Его авторитет и популярность в дипломатических и журналистских кругах перешагнули через океан – он стал вице-президентом Общества СССР–США и заместителем председателя Советского комитета защиты мира.

Несколько страниц «Дневника» повествуют о знакомстве Матвеева с бывшим в годы Второй мировой войны послом США в СССР

Авереллом Гарриманом. Оно состоялось в 1970-х годах, встречи проходили на американской и русской земле. Одна из них, поистине уникальная для светского журналиста, случилась в Москве, когда Викентий Александрович организовал неформальный прием Гарримана в своей квартире. Экс-посол «хорошо кушал и пил» и, размягченный радушным приемом хозяйки – Евгении Семеновны, вспомнил, что «был в русском семейном кругу только на даче у писателя Алексея Толстого во время войны»...

Удивительны свойства дневников, когда они написаны абсолютно свободно, без всякой внутренней цензуры. Я помню Викентия Александровича строгим, эмоционально сдержанным человеком, к которому и подступиться было неловко. А в дневниках раскрылся интеллеktуал с набором множества душевных качеств, влюбчивый юноша, заботливый сын, пылкий друг, а в зрелые годы – любящий муж, отец, дед.

Обложка «Дневников» – многозначительный «эпиграф» к богатой на события жизни журналиста-известинца. Это фотомонтаж: на фоне здания редакции на Пушкинской площади, знаменитого «дома с иллюминаторами», – Викентий Матвеев, присевший на борту шлюпки. То ли ведет запись в дневнике, то ли набрасывает план очередной статьи. Хороший символ: он всю жизнь шел по дороге творчества, а когда работа ненадолго отпускала, путешествовал.

Викентий Александрович всю жизнь сохранял отличную спортивную форму. В разные годы он увлекался греблей, горными лыжами, играл в теннис. Запись в дневнике с чувством удовлетворения: «Чувствую, вижу, что улучшил уровень игры. Обычно выигрываю у всех партнеров... Это важно в смысле самоутверждения».

На финишном этапе жизни Матвеев работал с удесятенной энергией, торопясь завершить всё задуманное. И успел-таки помимо газетных и журнальных публикаций закончить фундаментальную трилогию исторических хроник «Страсть власти и власть страсти» – о династии британских монархов XVI–XIX веков.

Одна из последних его дневниковых записей дышит тихой мудростью: «Почти всё, что мне предстояло сделать, чтобы в спокойствии предстать перед «инстанциями наверху», – свершил».

*Ведущий Исторического клуба «Известий»
Станислав Сергеев*